1970г.

MPTY 19 № 183--65

Андрей Шманкевич

СЛУЧАЙ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПРИКАЗОМ

Война с Японией в 1945 г. закончилась полной нашей победой! Вызвал нашего боцмана командир и говорит: "Придётся нам ещё раз сходить в Маньчжурию—надо принять на баржу артиллерийское подразделение и переправить на Родину".

Баржа наша не самоходная. Прибунсировал нас тральщин и поставил н берегу у небольшой деревушни повыше Фугдина. С мостина отнрывался замечательный вид на Сунгари.

По самому горизонту тянулись бледно-синие сопки, еле заметные на полинялом небе. Над поймой реки, над озёрами плавала сизая дымка. Нартину довершала старая джонка с жёлтым парусом.

Все из деревни, от мала до велина, толпились на берегу и предлагали свои услуги. Они играючи занатили по трапам пушни, а потом стали заводить лошадей.

Погрузна шла полным ходом, нан вдруг с привязи сорвался один конён, галопом подлетел к трапу и, столннув в воду двух немецних здоровенных ноней, ворвался на палубу.

Все столпились вокруг коня. Матросы смеялись: "Что это за суматошный конь, что норовит погрузиться без очереди?" 🗊

- Напрасно смеётесь... Он чует, бедняга, что до него очередь не дойдёт, — сказал уже немолодой ефрейтор. И так он это сказал, точно у него горло перехватило. А конёк, как услышал его голос, так сразу к нему. Уткнул морду под мышку и стал.

Смутились мы. – "Что за причина?" – спрашиваем. – "Причина? Один разгильдяй за те пять дней, что я в лазарете пробыл, все плечи коню стёр... А есть приназ: всех коней с потёртостями и больных заменить трофейными.

Я с Орлином от Сталинграда до Берлина дошёл... А теперь награда ему за это". — "Так поговорите со своим старшиной". — Ефрейтор безнадёжно махнул рукой: "Сухарь это, а не человек".

Подошёл старшина: "Сонолов, что вы тут нюни распустили? Постыдились бы хоть морянов". – "А мы ему вполне сочувствуем", – вступился боцман. – "Я солдат и привык все приназы выполнять! – вскипел старшина. – Сонолов, уведите ноня!" п

Тяжело вздохнул артиллерист, опустил голову и повёл Орлина на берег. Не на поводу повёл, а так просто. Сам пошёл, и конь за ним как привязанный.

Ефрейтор привязал ноня у самой деревушни, погладил его больной рукой по шее

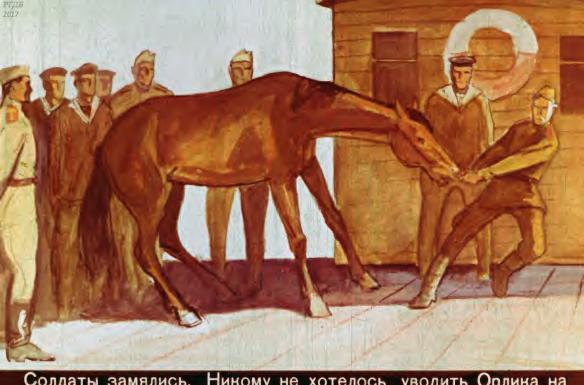
и, не оглядываясь, поплёлся на баржу. А Орлин... Непонятно ему, почему всех лошадей грузят, а его в стороне держат. •

Но нак только приготовились поднять трап, он рванулся изо всех сил, и не успели мы глазом моргнуть—Орлик снова был на барже.

Опять обступили его – нто гладит, нто сахар на ладони подаёт. – "Тан, может, оставим ноня? Больно охота ему на родную землю переправиться", – предложил боцман. – "Я не привын отменять приназания начальства", – буркнул старшина.

Солдаты замялись. Никому не хотелось уводить Орлика на берег. Да и не так-то легко было его увести: конь стоял точно приросший к палубе.

Пришлось вызвать Сонолова. Он пришёл, еле владея собой, на снулах желвани бегают. Но нрепно знает солдат дисциплину. Ещё раз свёл Сонолов своего друга на берег.

Остался Орлик на берегу один, начал метаться, смотрит на нас и так ржёт, точно просит не бросать его, взять домой, на Родину. А мы друг от друга отворачивались — нам было стыдно в глаза смотреть друг другу.

Подошёл тральщин, завели бунсир, и баржа медленно отвалила от берега.

Нрестьяне окружили развязавшегося Орлика, стали его ловить. Для них лишняя лошадь была такой ценностью, что и сказать трудно.

Но Орлин не дался. Он взвился на дыбы, прорвал нольцо и понёсся за нами по берегу.

Ниже деревни рена делала нрутой поворот. Ногда мы поравнялись с мысом, Орлин догнал нас. Не отыснав удобного спусна, он бросился в воду с двухметрового обрыва

и поплыл н барже. Однако прыгнул он слишком поздно. Мы уже прошли мыс, и Орлик, проплыв за нами довольно долго, повернул н берегу.

На мостин поднялся старшина. Боцману было неприятно его видеть, и он сназал: "Посторонним здесь находиться воспрещается".

Старшина молча посмотрел на Орлика и спустился на палубу. — "Моя понойная бабка говорила, что у некоторых людей на сердце лишаи растут", — сказал ему вслед боцман.

Орлин догнал нас на следующем повороте, нилометрах в десяти от деревни. Он приснанал даже раньше нас и теперь стоял на мысу и поджидал баржу.

Больше боцман не мог вытерпеть, взял флажни и просемафорил на тральщин: "Прошу принять лошадь. Могу принять на ходу".

На тральщике как будто ждали запроса – немедленно дали "добро" и сбавили ход.

Боцману не пришлось объяснять матросам, что нужно делать. Он повёл баржу у самого берега. 31

Спустили танновый трап. Все боялись только, что Орлин бросится в воду раньше времени и течение отнесёт его в сторону, а замешнайся Орлин хоть на минуту – придётся отназаться от погрузки или сесть на мель.

Нонь застыл на мысу. Наждый мускул его был напряжён. Мокрая шерсть блестела на солнце, голова была вскинута, уши насторожены. Он был очень красив в этот момент.

- Потерпи, потерпи, дорогой! - нто-то сназал это вслух. Боцман на сенунду обернулся и увидел... старшину. Он стоял, весь подавшись вперёд. От волнения у него выступили напли пота на лбу.

- Не волнуйся, старшина! Это умная русская коняга, смекалистая. Заберём! - сказал боцман миролюбиво.

Наступил решительный момент. Баржа была у самого берега. Тяжёлый танковый трап почти касался глинистого обрыва. Но конь стоял не двигаясь.

Но нонь стоял. Трап медленно проплыл у самых его ног. – "Всё пропало! Остался... Сонолов!" – отчаянно нриннул старшина.

39

Ефрейтор только этого и ждал. – "Орлин! Но мне!" – нриннул он сорвавшимся голосом.

Орлин точно очнулся, сделал по берегу неснольно сначнов – и взвился в воздух...

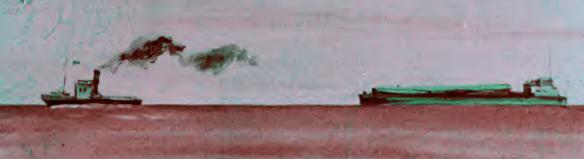

Боцман ещё круче положил руль вправо на борт, и мы толь-ко слегка задели кормой за песок косы.

Орлин подошёл н ефрейтору и устало положил голову ему на плечо.

КОНЕЦ

Редантор Е. Навтиашвили Художественный редантор Л. Усайтис

Студия "Диафильм", 1968 г. Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

> Д-355-68 Цветной **О**-30